

За рубежом. — 1995. — 2-8 июня. — с. 14

Новое «дело» Бертольта Брехта

Тьерри ГАНДИЙО

«НУВЕЛЬ ОБСЕРВАТЁР», ПАРИЖ.

ДЖОН ФЬЮДЖИ, профессор литературы в университете штата Мэриленд, посвятил изучению творчества Бертольта Брехта 25 лет жизни. Он основатель международного общества Брехта и издал четыренадцать книг «Ежегодника Брехта». Ныне же профессор оплевывает идола, одним из ревностных почитателей которого был до сих пор. В документальной биографии, насчитывающей 876 страниц, которая выходит во французском издательстве «Файяр» всего через несколько месяцев после появления американского издания, Фьюджи дает убийственный портрет самого знаменитого драматурга века.

Тезис, который он выдвигает, прост: Брехту было не под силу одному от начала до конца написать пьесу для театра. Чтобы создать все то, что он создал, он, следовательно, прибегал к плагиату, заимствуя у крупнейших писателей — от Вийона до Киплинга, мимоходом прихватывая также авторов японских пьес и драматургов элизаветинской эпохи. С той же целью он использовал своих друзей, в первую очередь художника и декоратора Каспара Негера и композитора Курта Вейля. Кроме того, Фьюджи утверждает, что Брехт был раскаявшимся гомосексуалистом (что следовало бы доказать!), женоненавистником, любителем кнута и сапог, цитат из Ницше, что он без зазрения совести эксплуатировал своих любовниц — то Элизабет Гауптман, то Маргарет Штеффин, то Рут Берлау.

Так, 80 процентов «Трехгрошовой оперы» написала будто бы Гауптман. А перу Брехта принадлежат всего лишь тексты песен «Баллада о Мэкки-Ноне» и «Пиратка Джинни». Большинство произведений, вышедших в 1924 — 1933 годах, будто бы тоже написано Гауптман. А затем вплоть до 1941 года, то есть в наиболее плодотворный период в творчестве Брехта, 30 крупных произведений отредактировала Маргарет Штеффин, которая будто бы признавалась: «Без меня у него ничего не получалось». По мнению Фьюджи, карьера Брехта-драматурга прерывается со смертью Штеффин в июле 1941 года в Москве.

Заставляя окружающих его людей трудиться в своей «мастерской», Брехт в то же время делал все, чтобы лишить их авторских прав. За «Трехгрошовой оперу» Элизабет Гауптман получит 12,5 процента, Курт Вейль — 25 процентов, а оставшиеся 62,5 процента Брехт возьмет себе. Когда Вейль начинает протестовать, Брехт отвечает, что в таком случае использует оригинальную партитуру XVIII века «Оперы бродяг». Так что предпочитает ли композитор 25 процентов от чего-то или 100 процентов от ничего?

Другой пример. В Финляндии Хелла Вуолийоки, приютившая Брехта-изгнанника, пишет пьесу, положив в ее основу историю одного из своих родственников, которого она называет Пунтиллоу, и его слуги Матти. Брехт, Штеффин и Берлау взяли за это произведение и все переделали. Вуолийоки поморщилась, но в конце концов согласилась на то, чтобы поровну разделить с Брехтом авторские права на пьесу, которая известна под названием «Господин Пунтилла и его слуга Матти». По словам Фьюджи, всю оставшуюся жизнь Вуолийоки добивалась получения своей доли гонорара, но в конце концов кончила жизнь в нищете.

В ту пору Брехт «выступал» в роли художника-изгоя. С гнилыми зубами, грязного, скверно пахнущего, небритого. Одновременно он получал твердую валюту, покупал посредственные поместья, спортивные автомобили, на которых носился с такой скоростью, что однажды сбил ребенка. По мнению Фьюджи, «он действовал в соответствии с давно отработанным планом сокрытия своих доходов: гонорары из различных источников направлялись ему по разным адресам

или поступали на счета его друзей и агентов. Он один лишь знал, какими располагал деньгами».

При этом держал своих любовниц в нищете. Страдавшая туберкулезом Маргарет Штеффин после двух абортов умирает в Москве, изнуренная непосильным трудом в пользу своего идола. Элизабет Гауптман, которая влачила жалкое существование изгнанника в США, пытается покончить жизнь самоубийством. Лживый и безвольный Брехт обещает жениться на одной, а женится на другой, потом же бросает и своих детей.

Но и это еще не все. В противоположность тому, что о нем писали до сих пор, Брехт вовсе не был непримиримым антифашистом. В действительности, как считает Фьюджи, он был трусливым оппортунистом, у которого всегда имелись в запасе пути для отступления. Утверждение Фьюджи, что при Гитлере Брехт не был антинацистом, принять трудно, если учесть, что с 1933 года он находился в изгнании в разных странах, в частности в Дании, где им опубликованы «Страх и отчаяние в Третьей империи», «Карьера Артуро Уи» и «Жизнь Галилея».

Все это очевидные факты, которым Фьюджи противопоставляет только ряд сомнительных, малоубедительных показаний. Брехт отказывается написать пьесу, в которой проводилась бы параллель между Нероном и Герингом; не хочет подписать петицию против апискии Саарской области; не желает отказаться от прав на «Трехгрошовую оперу» в пользу комитета помощи евреям, изгнанным из Германии. В конце 1932 года в кругу своих друзей он якобы предложил выпить за успех правого путча, «совершенного без кровопролития». В борьбе против Гитлера он менее активен, чем Томас Мани, Фейхтвангер, Андре Жид или Мальро. Он сохранил друзей среди нацистов. Есть свидетель того, что в 1939 году он устно побуждал своего брата вступить в нацистскую партию и «постараться стать гауляйтером». Позднее его сын вступает в ряды военно-воздушных сил. И, наконец, в июле 1944 года в своей газете Брехт выражает радость в связи с тем, что попытка убить Гитлера, предпринятая генералами, провалилась, так как кто, кроме Гитлера, может «освободить нас от этой шайки преступников?»

В Соединенных Штатах, куда Брехт приезжает в 1946 году, он, по словам Фьюджи, преклоняется перед маккартистским террором. Вызванный в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, он отказывается проявить солидарность со своими коллегами, которые на основании первой поправки к американской консти-

туции решили не отвечать на вопрос: «Являетесь ли вы или были когда-нибудь членом коммунистической партии?» Брехт на этот вопрос ответил просто «нет» — и комиссия похвалила его за содействие.

Брехт не проявил смелости и в своем отношении к сталинизму. Тут досье Фьюджи выглядит солиднее. Брехт пишет поэму о московском метро, «построенном молодыми смеющимися девушками» (что далеко не соответствовало действительности), сочиняет оду в честь Лысенко. В 1936 году он ополчается против обвиняемых на московском процессе, которые «погрязли в болоте гнусных преступлений». В то же время хранит молчание о судьбе своих друзей, брошенных в сталинские застенки. И, наконец, он публикует откровенное оправдание действий Вальтера Ульбрихта после подавления восстания в Берлине в 1953 году.

Книга Фьюджи вызвала волну возмущения среди специалистов-профессионалов, которых трудно заподозрить

искажения, повторы, ничем не обоснованные или не подкрепленные аргументы, которые подаются как факты.

Читая длинный перечень упреков в адрес Джона Фьюджи, невольно задаешься вопросом: а можно ли вообще доверять его книге? Ошибки и в самом деле слишком многочисленны, тон слишком недоброжелателен, зачастую вульгарен, чересчур заметно намерение пригвоздить «Брехта и компанию» к позорному столбу.

Джон Уилетт и его друзья убедительно доказывают, что «ограбление» Брехтом своих любовниц не отличалось таким размахом, который ему приписывает Фьюджи. В частности, роль Рут Берлау крайне преувеличена. Авторские гонорары распределялись более щедро, чем это утверждает Фьюджи. Тезис, ставящий на одну доску Брехта, Гитлера и Сталина, носит скандальный характер. Мало доверять внушает использование картошки ФБР (к которой Норегаард тоже имел доступ). Позиция Брехта в отношении Гитлера и маккартистской комиссии была намного благородней, чем утверждает Фьюджи.

Брехт не был святым. Более того, он был весьма неприятным человеком. Но об этом знали и раньше. Ряд заявлений Брехта, его позиция по некоторым вопросам действительно являются загадкой: отношение к женщинам, покорность властям ГДР и так далее.

Но явная неприязнь, характерная для нападок Фьюджи, заставляет усомниться в правдивости нарисованного им портрета человека, который все-таки был «человеком его жизни». В конце концов начинаешь полностью соглашаться с прекрасным биографом Брехта Клаусом Фельгером, который, критикуя Фьюджи, справедливо пишет: «Его исследовательские амбиции ограничиваются жалким выискиванием доказательств женоненавистничества и гомосексуальной мании».

Ссылаясь на исключительно скрупулезную работу, проведенную Уилеттом и его коллегами, дочь Бертольта Брехта Барбара Брехт-Шалль, которая обладает правами собственности на издание произведений отца на всех языках, кроме английского, обратилась к издателю произведений Брехта на французском языке с просьбой, чтобы их замечания были учтены.

«У меня и в мыслях нет, — объясняет она, — подвергнуть книгу даже минимальной цензуре. Но я не могу позволить, чтобы говорили, что мой отец был нацистом. Серьезный издатель должен внести необходимую правку. В будущем я оставляю за собой право обратиться в судебные инстанции».

На это директор издательства «Файяр» Клод Дюран ответил: «Контракт с Джоном Фьюджи я подписал в 1986 году. С тех пор мы много работали вместе с ним над текстом и внесли многочисленные исправления. Во всем этом есть доля дезинформации: Фьюджи никогда не утверждал, что Брехт был нацистом. Он упрекает его лишь в том, что он сохранил дружбу с теми, кто симпатизировал гитлеровскому режиму».

Со своей стороны, немецкие издатели в настоящее время, кажется, колеблются, издавать ли книгу Фьюджи. И их можно понять.

Элизабет Гауптман,

Маргарет Штеффин и Рут Берлау [1973 г.] — подруги писателя.

в симпатиях к Брехту. Джон Уилетт, Джеймс К. Лайон, Зигфрид Мьюс, Ганс Христиан Норегаард досконально ее проанализировали. В XX книге «Ежегодника Брехта», которая должна скоро выйти, они дают список 450 «комментариев, поправок и вопросов» ко всем более чем 600 страницам американского издания биографии, то есть примерно «по два замечания на каждые три страницы».

Эти уважаемые знатоки творчества Брехта вскрывают ошибки, относящиеся к фактам, цитатам, неточным или фальшивым сноскам, указывают на теории и утверждения, не подкрепленные аргументами и документами, плохой перевод, ошибки при прочтении,